

Предисловие к английскому переводу романа «Отчаяние» («Despair»)

По-русски книга «Despair» («Отчаяние» — куда более звучное завывание) была написана в 1932 г. в Берлине. Она печаталась с продолжением в 1934 г. в эмигрантском журнале «Современные записки» в Париже, а затем вышла в берлинском эмигрантском издательстве «Петрополис» в 1936 г. Как было и со всеми прочими моими книгами, «Отчаяние» (несмотря на домыслы Германа)¹ запрещено в исходном полицейском государстве.

В конце 1936 г., все еще живя в Берлине, — где уже начала громко веять другая мерзость, — я перевел «Отчаяние» для одного лондонского издательства. Хотя с самого начала моей литературной жизни я понемногу кропал по-английски, так сказать, на полях моего русского письма, это было первой серьезной попыткой (не считая злополучных стихов в журнале Кембриджского университета около 1920 г.)² использовать английский язык в целях, приблизительно говоря, художественных. Плод этих усилий показался мне стилистически корявым, и я обратился к довольно сварливому англичанину, нанятому через берлинское агентство, с просьбой прочитать его. Он нашел в первой главе несколько языковых огрехов, но продолжать работу отказался, заявив, что вообще осуждает эту книгу; боюсь, он заподозрил, что это подлинное признание.

В 1937 г. Джон Лонг Лимитед в Лондоне выпустил «Despair» книжкой удобного формата с *catalogue raisonné** своих изданий на задней обложке. Несмотря на этот бесплатный до-

* аннотированный каталог, каталог с пояснениями (*фр.*) — *Пер.*

© The Vladimir Nabokov Estate, 1966.

© Георгий Левинтон (перевод), 1997.

весок, книга расходилась плохо, и несколько лет спустя весь тираж погиб от немецкой бомбы. Единственный сохранившийся экземпляр, насколько мне известно, — это принадлежащий мне — но два-три других, быть может, таятся где-нибудь среди брошенного чтива на темных полках приморских пансионатов от Бурнмута до Твидмута³.

Для нынешнего издания я не ограничился тем, что перепечатал свой перевод тридцатилетней давности: я переделал само «Отчаяние». Исследователи, которым выпадет счастливая возможность сравнить все три текста, заметят также, что я вставил весьма существенный пассаж, который по глупости был исключен в более застенчивые времена⁴. Честно ли это, разумно ли это с точки зрения ученого? Легко могу себе представить, что ответил бы Пушкин своим дрожащим переложителям, но знаю и то, как я был бы рад и взволнован тогда в 1935 г., если бы мог предпринять эту новую версию 1965 года. Экстатическая любовь молодого писателя к тому старому писателю, которым он когда-нибудь станет, — это самая похвальная форма честолюбия. Эта любовь не встречает взаимности у старшего с его более богатой библиотекой, ибо даже если он и вспомнит с сожалением ничем не обремененное небо и неслезящиеся глаза, то неумелый подмастерье его юности вызовет у него лишь раздраженную гримасу.

«Despair» — сродни остальным моим книгам — ничем не отвечает на социальные запросы современности, не содержит никакой истины, которую могла бы, виляя хвостом, донести до читателя. Не оказывает она и возвышающего действия на духовный орган человека, как и не указывает человечеству правильный путь. В ней куда меньше «идей», чем в этих наваристых вульгарных романах, которые приветствуются столь истерическим шумом за то короткое время, пока эхо успеет превратить хвалу в хул. Соблазнительной формы предмет или сон по-венски, который рьяный фрейдист, как может ему показаться, разыщет на дальней свалке моих пустырей, окажется при ближайшем рассмотрении издевательским миражом, подстроенным моей агентурой. Позволю себе — на всякий случай — добавить для специалистов по литературным «школам»: с их стороны было бы весьма разумно не пытаться в данном случае приплести между делом «влияние немецких импрессионистов»: я не знаю немецкого и отродясь не читал импрессионистов — что бы под этим ни подразумевалось⁵. А вот французский я знаю, и любопытно будет посмотреть, назовет ли кто-нибудь моего Германа⁶ «отцом экзистенциализма».

Эта книга меньше говорит бело-русским чувствам, чем другие мои эмигрантские романы*, поэтому она будет не так озабочивать и раздражать читателей, воспитанных на левой пропаганде 30-х годов. Простого же читателя порадует простота её построения и завлекательная фабула — которая, однако, все же не настолько банальна, как полагает автор грубого письма в главе 11⁷.

В книге много живых и занимательных диалогов, а последняя сцена с Феликсом в зимнем лесу, конечно же, доставит читателю немало веселых минут⁸.

Я не в силах предусмотреть и предотвратить неизбежные попытки найти в змеевиках «Отчаяния» нечто от риторического яда, который я впрыснул в слог повествователя другого, гораздо более позднего романа. Герман и Гумберт сходны лишь в том смысле, в каком два дракона, нарисованные одним художником в разные периоды его жизни, напоминают друг друга. Оба они — негодяи и психопаты, но все же есть в раю зеленая аллея, где Гумберту позволено раз в год побродить в сумерках. Германа же Ад никогда не помилует.

Строка и обрывки строк, которые Герман бормочет в главе IV, взяты из стихотворения Пушкина, обращенного к жене в 1830-х годах⁹. Привожу его целиком в моем переводе, с соблюдением метра и рифмы — путь, который редко бывает удачным, — даже позволительным — кроме как при редчайшем расположении звезд на тверди стихотворения, как это случилось здесь.

‘Tis time, my dear, ’tis time. The heart demands repose.
Day after day flits by, and with each hour there goes
A little bit of life; but meanwhile you and I
Together plan to dwell... yet lo! ’tis then we die.
There is no bliss on earth: there is peace and freedom, though.
An enviable lot I long have yearned to know:
Long have I, weary slave, been contemplating flight
To a remote abode of work and pure delight**.

---

* Это не помешало рецензенту-коммунисту (Ж.-П. Сартру), написавшему в 1939 г. на редкость глупую статью о французском переводе «Отчаяния», сказать, что «как автор, так и главный герой — жертвы войны и эмиграции».

** Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь — как раз умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля,
Давно завидная мечтается мне доля —

«Обитель дальняя», в которую в конце концов семенит бе-
зумный Герман, с подобающей экономностью помещена в Рус-
сильон, где тремя годами раньше я начал писать свой шахмат-
ный роман «Защита Лужина»¹⁰. Мы оставляем Германа здесь,
в нелепом апогее его поражения. Не помню, чем все это для
него закончилось¹¹. В конце концов, между нами пролегло пят-
надцать других книг и вдвое больше лет. Не могу припомнить
даже, был ли снят этот фильм, который он собирался поста-
вить¹².

Монтрё, 1 марта 1965

Перевод с английского
Георгия Левинтона

Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег (англ.). — Пер.